человека», образ которого в их произведениях [5, 8, 9, 24—29] был идентичен герою, восставшему и против самих основ колониального угнетения, и против того миропорядка, который держался еще на феодальных устоях, позволяющих и колониализму, и неоколониализму легко проникать «вовнутрь», «разъедать» общество, навязывать угодную ему политическую власть и фактически осуществлять форму двойного угнетения народа.

В основе этого бунтарского сознания — протест нового поколения, сформировавшегося на рубеже двух исторических эпох, в период подъема борьбы за независимость, поколения, решительно отбрасывавшего законы старого мира вообще и в то же время не видевшего еще реальных возможностей для осуществления тех идеалов, с которыми было связано национально-освободительное движение. Ожидание радикальных демократических преобразований, требования немедленного социального переустройства, искоренения всех последствий угнетения и колониального рабства — все это, однако, казалось неосуществимым и в новом обществе, продолжавшем сохранять во многом освещенные религией социальные анахронизмы. Но и поиски душевного спасения в Европе окончились крахом. Вкусив плодов западной капиталистической цивилизации и буржуазной демократии и свободы, с болью и смятением в душе «бунтующие» герои многих произведений магрибинцев, пытаясь найти выход из лабиринта общественных противоречий, остаются иногда в состоянии неприятия ни Востока, ни Запада, в гордом несмирении своего духа...

Нельзя не признать, что для возникновения подобного героя в литературе Магриба сложились предпосылки не только социально-исторические, но и идейно-эстетические. В их числе — имевшая большой резонанс как в Европе, так и в Африке книга Альбера Камю «Бунтующий человек» [13].

Творчество Камю в целом оказало немалое влияние на магрибинских писателей. Это и естественно: ведь Камю был самым талантливым представителем тех «североафриканских» французов, в среде которых в свое время еще в 1920-е годы заявила о себе так называемая «Алжирская школа» писателей и которые считали Средиземноморье своей «родиной» — той географической, этнографической и психологической «почвой», которая сформировала их как художников [2, с. 77—150].

Однако автохтонные магрибинские писатели, если что-то и «брали» у Камю, то неизбежно вносили в заимствование такого рода «поправки» и такую коррекцию идейных и эстетических его установок, которые в результате приводили к выводам, порой прямо противоположным тем, какие имели место в творчестве Камю. И первой поправкой к предложенной Камю концепции «бунтующего человека» был сам герой произведений магрибинцев — представитель восточного, «сакрального» (по Камю) общества, дважды раб, дважды угнетенный, лишенный и политической и духовной свободы. «Проблема бунта», с точки зрения Камю, имела же смысл только в западном обществе: «Бунтующий человек — это человек живущий до и после освященного» [13, с. 33]. Но именно в недрах «сакрального» мира, «взрывая» его изнутри, как бы показывая не только возможность бунта, но и его необходимость в «дважды лишенном свободы мире», герои магрибинских писателей будут обличать косность патриархальных традиций, порочные нравы, царившие в среде мусульманской знати, отжившие нормы морали и права, вопиющее социальное неравенство, невежество, отсталость и бессмысленное «цепляние» за давно себя изжившие мифы прошлого.

О «бунтарях» франкоязычных магрибинцев можно сказать, что их révolte — это именно следствие их эволюционировавшего сознания, которое постепенно осваивало мир, анализируя и «расчленяя» его, выявляя его суть. Их бунт — это не безудержно прорывающееся вовне состояние извечной мятежности «угнетенного духа» (Камю), но сознательная реакция